

18+

СЕРГЕЙ КОНЮХОВ

ЖИЗНЕННАЯ КОЛЛИЗИЯ

Рассказы разных лет

Сергей Конюхов

Жизненная коллизия

«Издательские решения»

Конюхов С.

Жизненная коллизия / С. Конюхов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536236-0

В этой книге живут разные герои: люди, птицы, бабочки, собака, старый чайник и даже авторучка. Все они стремятся к свету и теплу. Правда, по-разному понимают, что такое счастье, и от этого непонимания происходят все их беды. Кому-то удастся преодолеть жизненные преграды, кому-то — нет. Различные обстоятельства раскрашивают жизнь героев этой книги необычными, запоминающимися красками.

ISBN 978-5-00-536236-0

© Конюхов С.
© Издательские решения

Содержание

Жизненная коллизия	6
Старый чайник	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жизненная коллизия

Сергей Конюхов

Редактор Ольга Рыбина

Корректор Мария Черноок

Дизайн обложки Максим Новиков

© Сергей Конюхов, 2021

ISBN 978-5-0053-6236-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизненная коллизия

Вот. Сюда вроде.

Я бегу по шоссе.

Так и не пойму я окончательно, что сейчас: то ли поздняя осень, то ли зима уже наступила. Пес его разберет.

Да и зима какая-то злобная наступила. Холод собачий!

А вот интересно, почему собачий? Можно подумать, что нам, собакам, нравится такой холод или мы виноваты, что дни такие морозные настали.

Снега нет, метет колючая поземка, и прямо в морду, аж зубы сводит. Ветер холоднящий, пронизывающий. И откуда только ветры такие дуют?

Говорят, ихние синоптики как-то определяют. А по мне, так дует отовсюду, со всех сторон дует, и все сильнее и злее.

Сейчас раннее утро, и вокруг меня тьма кромешная. Вон, даже народу еще никого нет на улице. Оно и понятно, чего нормальному человеку в такую рань, да и в такую погоду, на улице делать. У них там хорошо в тепле и сытости. А тут...

Жрать хочется! И чем холодней, тем больше хочется. Завыть бы сейчас от такой житухи. Но ведь никого мой вой не разжалобит. Скорей, наоборот, со злобой будут смотреть на меня, с неприязнью. Оно и правда, холод, темень, да еще и собака какая-то завyla. Кому такое понравится.

Ну да ладно, чего это я так разнервничался. Все равно никто не согреет и не накормит на этом забытом богом пустыре. Скорей бы до метро добраться, там тепло, согреюсь хотя бы. А может, кто и покормит меня, тварь божью. Люди все-таки иногда сердобольные попадают, хотя и не часто. Метро – это там, где красная буква М нарисована. Они думают, что мы цвета не различаем. А мы в этом не хуже людей разбираемся.

Каждый цвет, он свой запах имеет.

Например, синий – цвет холода, стужи. От него и пахнет всегда страхом и неустроенностью. Еще и женщины в синем вызывают у меня чувство боязни и настороженности. Мне кажется, от женщины тепло должно исходить, ласка какая-нибудь. А если она в синем или, например, в голубом, захотите вы к ней прижаться, ну, чтобы там желание ощутить или приязнь какую-нибудь? Это навряд ли. Недаром все официальные лица в нашей стране, ну, там, милиционеры или – как сейчас – полицейские, стюардессы и прокуроры, щеголяют в форменной одежде преимущественно синего цвета. А много ли тепла вы видели от наших должностных лиц?

Вот то-то и оно.

Красный цвет – совсем другое дело. Жареное мясо (лучше с кровью), борщ или теплый рефлектор – все это имеет разные оттенки красного. Теплый, сытный, желанный. Вот и буква М у входа в метро говорит о том же, здесь тепло, здесь не сгинешь. Другие цвета: желтый, зеленый, фиолетовый – тоже свои запахи имеют. Но про них как-нибудь в другой раз вспомню, когда согреюсь.

Ну вот, вроде бы и буква знакомая покраснела. И еще эта надпись.

МЕНЯЕМ. ЛЮБЛЮ ВАЛЮТУ!

В свое время какой-то шутник поменял одну букровку в этом объявлении. Вот так смешно и получилось. С недавних пор накопление валюты – любимое занятие нашего народа. Правил этой игры не существует, а победители уже есть. Правда, я их редко вижу – такие в метро не ездят.

Эти, которые валюту любят, здесь всегда сидят, даже ночью. Иногда даже поесть давали: когда остатки каши выставят в миске, когда кусок колбасы кинут. Правда, у них потом персонал поменялся, и еду давать перестали. Хорошо еще, палками не гоняют. Эх, злобный народ стал, неприветливый.

Точно. Наша ветка холодная. Холодная, потому что открытая, наземная, огорожена от остального мира насыпью да бетонным забором с колючей проволокой. Зато попадать туда легко, никаких тебе контролеров и турникетов. С насыпи спустился, а там дырка в заборе есть, человек не пролезет, а мне в самый раз, хоть какая-то собачья радость.

Ну, вот и платформа. И здесь холодно, скорей бы снег, что ли, пошел. Настоящей зимой, когда вся уличная грязь прикрыта сугробами и белым покровом, как-то веселее на душе становится, радостнее.

* * *

А люди уже просыпаются. Вон сколько в отдалении маячит, значит, и поезд скоро подойдет, там и отогреюсь.

Гастарбайтеры. Это те, которые на заработки приехали. Эти едой не поделятся, сами голодные и злые, с ними надо ухо остро держать, того и гляди какую-нибудь пакость учинят. Они приехали из другой страны со своим – другим – мировоззрением, и мне никогда не удастся понять, о чем они думают, к чему стремятся. Хотя к чему стремятся, вроде бы очевидно. Как и все, хотят денег, да побольше, и чтобы на работе не слишком ломаться. Во всем остальном они для меня сплошная загадка и источник опасности.

Вроде бы начал согреваться, подремлю, пока до вонючей ветки доеду. Там-то я точно поем, если и не угостит никто, всегда можно самому еду найти. Некоторым людям слово «вонючая» совсем не нравится, типа слишком уж оно не литературно звучит. Ну ладно, так уж и быть, буду употреблять ее привычное название – Кольцевая. Впрочем, тем, кто регулярно по ней ездит, и так понятно, почему я ее называю вонючей, они и сами так говорят.

Я еще и букровки понимаю, не все, но некоторые помню. Не все же я забыл из своей прошлой жизни.

Да, был я в прошлой жизни человеком, нормальным таким человеком, все у меня было: и дом, и должность. Эх, согреться бы для начала, я бы вам такую историю рассказал о своей прошлой жизни, печальную и познавательную.

Если вам когда-нибудь скажут, что переселения душ не существует, – не верьте. Есть все это. Есть. Правда, происходит все не так, как у индусов в их книгах написано, и не так, как люди себе представляют. Как? Я не могу рассказать. Сам не помню, как все происходило. Но факт остается фактом, был человеком, чиновником, а стал собакой бездомной. Ну, почти бездомной.

А главное...

Это...

Я же всегда знал, что помру, и потом уже перед концом стал просить у них там, наверху, чтобы меня котом сделали, пушистым и домашним. Пушистым – чтобы всегда тепло было, а домашним – чтобы кормили всегда, как положено. Но кто-то в небесной канцелярии напутал, и вот оказался я здесь же, на земле, но совсем не так, как хотелось бы.

А как хорошо сейчас коту домашнему! Лежишь себе на теплой батарее. Внизу, под брюхом, что-то нежно булькает, как будто хозяйка рыбный супчик варит. В комнате темно и тихо. Мышь не шелохнется. Только хозяйка изредка похрапывает, я бы хотел немолодую и интеллигентную, молодые – они все дерганые какие-то, нервные, а я бы этого не любил. На кухне миски полные с мясом и молоком, выбирайте, Василий, на свой вкус, что пожелаете. Эх! Была бы жизнь! А тут...

* * *

Ага. На этой станции всегда одни и те же люди садятся. Я с ними уже несколько месяцев изо дня в день в одном вагоне катаюсь. Вот и сейчас они тут как тут.

Человек в белой шапочке, похожей на гондон. Он всегда первым в вагон заходит. И лицо у него такое красное, гладкое, круглое. Глаза маленькие, взгляд цепкий, колючий, как у работника прокуратуры. Впрочем, кто же знает, возможно, он и был в прошлой жизни следователем или просто стукачом. Этот держится особенно надменно. Даже если кто-нибудь просто приближается к нему по ходу движения поезда, он окатывает его таким ледяным взглядом, что какое-либо дальнейшее общение становится невозможным.

Женщина в розовой кофточке, похожая на корову. У нее румяное лицо с большими, ничего не выражающими глазами. Мне кажется, они всегда были слегка мутными, как бы затянутыми полупрозрачной пленкой. Может, это катаракта, и она смотрит на окружающий ее мир как бы из-за стекла?

Она, как всегда, неспешно усаживается на сиденье, достает из хозяйственной сумки жестяную банку недорогого джин-тоника и осматривается. Нет ли здесь кого-нибудь, кто может помешать ей наслаждаться этим напитком? Потом тихонько, почти без обычного в таких случаях шипения открывает банку и делает маленький глоток. Потом еще и еще. По мере того как поезд набирает ход, кожа на ее лице краснеет, глазки наливаются кровью и начинают грозно сверкать в предутреннем полумраке. Осанка ее, поза приобретают весьма грозный, агрессивный вид. В такие моменты не стоит привлекать ее внимание. Можно огрести оплеуху-другую. Впрочем, публика вокруг весьма равнодушна к любым проявлениям человеческих эмоций, и эта розовокофточная женщина продолжает свое путешествие без каких-либо происшествий.

Наискосок от нее через проход уселся лысый мужчина с роскошными седеющими усами, неизменно жующий семечки. О том, что он лысый, я узнал не сразу, так как все время, даже в вагоне, он остается в вязаной шапочке. Только один раз он снял ее, и я увидел его лысину. Семечки он достает откуда-то из-за пазухи и всю дорогу держит в ладони целую пригоршню. Он неторопливо щелкает их и медленно пережевывает, видимо, стараясь таким образом сократить время в пути. Он вроде бы оставлял приятное впечатление, но вот это его действие с семечками вызывает у меня одно только раздражение.

Во-первых, запах еды и даже семечек привлекает мое внимание.

Во-вторых, я вот все думаю, как же может здоровый с виду мужчина так бездарно тратить свое время. Похоже, он к этому давно уже привык и уже не сможет выйти из этого состояния и вернуться к нормальной человеческой жизни.

Еще одна тетка заходит на следующей станции. Длинная, худая, с родинкой на кончике носа. Наверняка в детстве ей приходилось страдать из-за своей внешности. Я так и представляю себе, как одноклассники смеются ей в спину, обзывая кочергой или дятлом. Дети лучше кого-либо подмечают такие детали и умеют с особой жестокостью заклеить несчастного обладателя.

* * *

Ну вот, скоро и до вонючей ветки доберусь. Народу прибавляется. На этой станции всегда военные в вагон заходят. Не люблю я военных. Жадные. Никогда ничем не угостят. И коварные, того и гляди пнут тебя кованым ботинком втихаря. И пахнет от них противно. Дешевым гуталином и таким же дешевым одеколоном. И где только они такую дрянь находят? Сказать, что покупают, язык не повернется. За торговлю такой «продукцией» надо сразу же в Сибирь отправлять.

Хотя почему в Сибирь? В Сибири хорошо было. Я вот помню, приезжал туда в командировку, это когда еще чиновником был по линии финансов. Ах да. Я же вам обещал о своей предыдущей жизни рассказать, когда согреюсь. Ну, так вот, вроде бы согреваюсь. Слушайте.

И было все так недавно и хорошо! Как вспомню, так плачу. Это у меня не конъюнктивит собачий, а воспоминания под глазами блестят. Итак, начал я свою трудовую деятельность в министерстве финансов молодым специалистом еще до перестройки. А тут и перестройка подоспела, потом реформы. В общем, карьера удачно сложилась. Все начальники, большие и не очень, как-то так сразу уволились. Ну, они там не совсем, а как бы «уволились». Кто в коммерческом банке оказался, кто в финансовой корпорации, кто в правительстве. Но все вроде бы и про министерство не забывали. Тем не менее должности освобождались, вот так я и рос все выше и выше. По жизни ростом я не вышел, невысокий был. А по званию – дорос до заместителя начальника управления, и это за десять-то лет безупречной службы.

Тут вот что надо понимать: для карьерного роста главное – своевременно и правильно отчитаться перед вышестоящим руководством. Сами понимаете, вертикаль власти. А я еще в институте, когда студентом был, страсть как любил составлять всякие таблицы. Формализовал, так сказать, процесс чего-либо в математическую формулу. С математикой я с детства дружил. Поэтому и в министерстве отчеты у меня всегда получались на загляденье. Таблички, графики, тренды, все как у людей. Вот за это меня и ценило руководство и продвигало потихоньку вверх.

Жена у меня образовалась, ребенок, квартиру дали, небольшую, в Кунцеве, как раз на этой холодной ветке.

* * *

Эй. Эй. Гав. Гав.

Да кто же это в меня тычет? Вот сволочь! Так и знал, что вояка! Форму нацепил и размахался своим портфелем. А еще приличный человек с виду, в папаше. Ну, чего, чего ты мне им в морду тычешь? Размахай портфельный. Ладно, ладно, подвинусь. Вот ведь гад! Такой хороший сон перебил! И почему в нашем метро до сих пор так много военных? Вроде бы мы уже не боремся за мир во всем мире, с американцами дружим. Эти военные хуже ментов, тем-то с меня взять нечего, вот они меня и не трогают. А эти все прут и прут, будь им неладно.

Хотя. Ага. Вовремя он меня разбудил, как раз мне на пересадку выходить. Сейчас на Кольцевую линию перейду, там и теплее, и поесть найду.

Эскалатор. Изобретение, конечно же, полезное, но как же нам, собакам, неудобно им пользоваться. Сидишь, дрожишь, вдруг в темную щель провалишься или на лапу кто-нибудь наступит. Враз без когтей останешься. Правда, не только мы на эскалаторе маемся. Для инвалидов, например, это вообще непреодолимое препятствие. И еще для дамочек на шпильках. Они так и ездят на нем, стоя на носочках. А согласитесь, ведь приятно наблюдать, когда дамочка на шпильках, да еще и на цыпочках стоит. Я тут недавно картину наблюдал, едет парочка, он и она, приличные оба, солидные. Так у нее шпилька между полозьев застряла. И пришлось ее кавалеру наклоняться и руками ее за туфлю вытаскивать. Смешно было за этим наблюдать. А тоже с портфелем был мужчина, в галстуке. Да, чего только в метро не увидишь.

Ну, вот и она – ароматная линия. Она еще и тем хороша, что здесь конечных станций не бывает. Ляжешь в поезд в уголочке, и дремли сколько сможешь. Так. Куда же мне сегодня поехать: налево или направо? Поеду я сегодня направо. Там на одной станции есть пункт быстрого питания, ну там гамбургеры, сэндвичи, сосиски в тесте. Глядишь, чего-нибудь и обломится. Очень уж есть сегодня хочется, а подремать я еще успею. Оно на сытый желудок и дремлет приятнее.

А я вот что сейчас скажу, для чего нужны все эти пункты быстрого питания. Сюда люди приходят, чтобы выпить чего-нибудь покрепче и закусить. Да и в самом деле, не обедать же здесь этими сосисками и гамбургерами. Вообще, в метро из ста пассажиров два или три заходят, чтобы опохмелиться или, как они еще говорят, поправить пошатнувшееся здоровье. И лучше этих пунктов ничего и придумывать не надо. Здесь есть бутерброды и пластиковые стаканчики и, если уж так необходимо, найдутся люди с пониманием. Которые выслушают все твои проблемы, посочувствуют, может, даже и слезу пустят. А ведь еще наши классики писали, что нет ничего чище слезы человеческой или что-то в этом роде, сейчас уже и не вспомню. В худшем случае ваши проблемы выслушаю я и с удовольствием скушаю вкусную колбаску, которой вы меня за это угостите.

Кольцевая линия. Как же я ее люблю! Очень уж тут запахи резкие. И едой, бывает, пахнет, и несвежими вещами, и телами человеческими. Сейчас-то зима, этих запахов и нет почти, все в шубках, дубленках, сапогах. А летом совсем другое дело. Музыка, симфония для собачьего обоняния. Опять же, место для отдыха легче не найти. К примеру, едет в вагоне бомж, а тут они часто попадают. Обыкновенный такой бывший интеллигент. Вонь, ой, простите, запах от него на весь вагон, его еще, бывает, амбре называют. Так вокруг него и нет никого, все так стыдливо носики отворачивают и бочком, бочком жмутся в другом конце вагона. А мне только этого и надо, я-то к запахам привычный, толерантный. Я рядом с ним свои лапы и вытягиваю, пока какая-нибудь паскуда не выпихает несчастного человека из его временного пристанища.

Нет. До чего же все-таки люди-человеки ненавидят своих собратьев. Разделили весь мир на своих и чужих и мордуют, и мочат «чужих», забывая о том, что все люди – свои, братья.

Тесно становится в вагоне. Народ все прибывает и прибывает, хорошо я тут в тупичке пристроился, и никто меня пока не трогает. Голод никуда не делся, но в тепле оно как-то легче переносится. Так вот, продолжу пока свои воспоминания про человеческую жизнь. Итак, дорос я до должности заместителя начальника управления. А тут как раз и подходит время денежки делить. Ну, бюджеты там разные, программы развития. Большая часть, конечно же, в центре остается, но и регионам надо иногда что-нибудь подкинуть. Приезжают к нам ходоки, просители разные. А мы-то важности на себя напустим, к нам просто так и не подойдешь. Все подарки везут, угощения. Хошь тебе коньяк французский, хошь – виски шотландский, хошь – крабы камчатские, хошь – икра астраханская. И все – наисвежайшее, ни в одном ресторане такое не откушаешь.

Эх. Опять я про еду вспомнил. Да и народу в вагоне чего-то много стало. Вот дамочки на службу едут, солидные, в шубках, московские штучки. У этих ничего не допросишься. Жадные! И ведь все у них есть: и мужья, и положение, а ни кусочком колбаски не поделятся. Одна от них в метро польза – пахнет приятно. Духи, дезодоранты, присыпки разные в нужных местах. Хороший аромат, влекущий и успокаивающий одновременно. Влекущий, потому что влечет меня к ухоженному женскому телу. А успокаивающий, потому как можете не суетиться, Василий, не обломится вам здесь ничего: ни ласки, ни колбаски. Вот так, одни воспоминания о женском поле и остаются в такой обстановке.

А ведь я, еще когда студентом был, любил на дамочек засматриваться. Тогда, правда, такие шубки редко в метро забредали, попроще народ одевался. Но и тогда эти будоражащие флюиды сводили меня с пути истинного. Сидишь, бывало, греешься с мороза, сосед слева книгу читает, Э. М. Ремарка, к примеру, или «Игру в бисер» Г. Гессе. А напротив студенточки

расположились. Молоденькие все такие, щечки красные. И нет чтобы, как и соседу слева, правильную книгу почитать, я ведь еще с детства читать любил, так нет же, смотрел вместо этого на женский пол и никакой пользы из этих поездок не вынес.

А Василием меня бы звали, если бы я в котика переродился. Но вроде бы про это я вам уже рассказывал.

* * *

Так. Так. Так. Дамочки на выход собрались, значит, и мне пора. Здесь она, точка быстрого питания. Вот сюда, теперь по ступенькам, хорошо еще, что здесь без эскалатора. Ну, вот я и на месте. Вот он, бачок для мусора, здесь я и осмотрюсь. Ого. Кто-то полсосиски не доел. Холодная уже и пыльная. Но это ничего, сейчас я и такому угощению рад. Ффввллььюю.

Вот. Полегче стало. Очередь небольшая. Это хорошо, значит, народ не успеет озлобиться, стоя в этой очереди. Сейчас выберу кого-нибудь посередобольнее, сяду напротив и буду смотреть ему или ей прямо в глаза. Времени у меня много, взгляд жалостливый, найдется добрая душа, да не одна. Вот, полкотлетки кинул молодой человек, и на том спасибо. Тепленькая еще, в масле. Масла, конечно же, тут и в помине нет, один комбижир, но и на том спасибо. Хлеб. Ну, давайте хлебушек, пока я голоден – я все готов съесть. Ну что же, день начался неплохо, можно и подремать пока чуток за мусорным бачком.

* * *

Ну вот. На чем я остановился? Ах да, коньячок французский. Да уж, попил я его в бытность свою. Бывало, приезжаешь на службу к девяти часам. Лицо красное, но не кирпичного цвета, как у простых пьющих, а нежного оттенка, благородно-прозрачно-розовое. Лица с такими оттенками в метро не встретишь, если только поздно ночью кто-то случайно забредет с банкета. Ну так вот, на службе у меня сейф был, несгораемый, а там всегда было чем освежиться. Примешь с утра чуть-чуть для поднятия тонуса – и вот, глядишь, и втянулся в рабочий режим. Надо решения принимать, бумаги там разные подписывать, с людьми встречаться. А с людьми без этого никак нельзя, это я доподлинно знаю, никаких нервов не хватит на людей.

В общем, общаться с людьми без коньяка – сплошное мракобесие. Правда, иногда интересные люди приезжали. Была одна дамочка из региона. Как она вошла в мой кабинет, я так сразу и ойкнул, всей душой. Не вслух ойкнул, конечно же, про себя ойкнул, негромко. Но она сразу все поняла. Да и те, кто ее посылал, знали же, кого посылают и к кому. Ну, мы с ней сразу же познакомились, расположились друг к другу. Культурная программка у нас образовалась, обед в ресторане, ужин на природе, прогулка под луной на берегу озера, свет фонаря в тенистой аллее на территории. Ее белые руки, излучающие вожаделенное тепло и сексуальность. А запах! Как же вкусно она пахла в ту первую ночь. Симфония! Я как вспомню те времена, сразу же мягче становлюсь, как пластилин на теплой батарее, растекаюсь по трубе в полном расслаблении, а душа парит где-то там, в невообразимой вышине. Эх...

* * *

Гав. Гав. Да что же это?

Вот ведь зараза со своей метлой! Разбудила!

Видишь, я здесь лежу, не мусорю, и вообще, нет здесь никакого мусора. Чего зря махать метлой-то перед моей мордой. Ладно, ладно. Пойду в вагон покатаюсь, там и подремлю. Вернусь к обеду. И смотри, чтобы потом здесь тебя не было. Чтобы ты мне аппетит не перебивала, не люблю я этого.

Ну вот, утренний народ рассосался, теперь и в вагонах попросторней стало, и публика попроще. Здесь вот местечко есть, тут можно и отдохнуть. Сейчас в основном приезжие едут с мешками и баулами. Приезжают в Москву за покупками и болтаются здесь по вещевым рынкам с утра и до вечера. С этими можно не беспокоиться, они сами всех побаиваются, не местные они, и меня не трогают. Кушать, конечно, не дадут, да у них и не бывает ничего полезного. Все какую-то ерунду покупают и развозят ее потом по своим городам и рынкам.

Эх, а какой же замечательный сон я видел перед этим. Ну да, конечно, про самую прекрасную женщину в моей человеческой жизни.

Подписал я ей тогда наутро все бумаги. Подписал, а зря. Ведь знал же, что мерзавцы ее подослали. С этого момента и покатила моя карьера вниз. Объявили мне сначала выговор за нецелевое использование, а потом и в должности понизили. Из личного кабинета пересадили в общий. Но ничего, и тут неплохо все оказалось. Правда, вместо французского коньяка теперь пришлось пить отечественный. Развивали в себе чувство патриотизма, так сказать. Опять же, в командировки стали меня посылать, в регионы. До этого я из своего кабинета редко выбирался. А тут командировка. Сибирь. Просторы и гостеприимство! Полюбил я это дело. А как не полюбить, когда тебя у трапа встречают на мерседесах. Потом в тайгу. А там уже и поляна в лесу накрыта. Девушки на подносах подают коньячок, севрюжью икру, жареную нельму, котлеты из лосятины и медвежатины. Потом местные чиновники подают этих же девочек на этих же подносах, улыбаются, знаки подают, глазки строят. Глазки сальные, похотливые. Девочки рады, девочки смеются. Как же это хорошо, в регионе жить, когда ты туда из центра в командировку приехал. А все равно тоска меня одолевала. Влюбился я в ту дамочку, из-за которой карьерой моей задний ход дали, но это я уже после понял.

* * *

Ой. Опять женщинами запахло. Правда, запахи очень уж резкие, вызывающие. Студентки, наверное. Ну да, сейчас самое время им домой с лекций возвращаться. Открыть глаза, посмотреть на них, что ли. На молоденьких всегда приятно смотреть, что людям, что собакам. Батюшки! Какие же нынче пошли студентки! Обычные студентки – те с сумками ездят, с тетрадками, а эти в шубках, сапожках, как будто из ночного клуба только что вышли. А может, и впрямь с ночного «дежурства» едут.

Нет. Я все, конечно, понимаю, притяжение, флюиды, запахи. Но как же редко в наше метро заходят настоящие Дамы. Прямо-таки с большой буквы Дамы. Чтобы всем, включая студента-отличника, нетрезвого полковника и даже бездомного пса, чтобы всем захотелось встать и уступить Даме место. Да уж. Измельчал народец, да и дамы куда-то разбежались. Где она, перевозданная красота человеческих отношений?

Взять хотя бы этих молоденьких девочек. Сидят трое прямо напротив меня, болтают меж собой. Вот ведь сучки бламурные! Накрасились, нафуфырились, мы и эдак, мы и то. Тьфу. Зря только проснулся. И я не оговорился, когда сказал «бламурные». Гламур – это у них там, за границей. А у нас один сплошной бламур. Выйду-ка я здесь, дыхну свежего воздуха, а то от их запахов весь вагон заволновался. Они, конечно же, будоражат мое кобелиное честолюбие. В былые времена взял бы их всех троих и в номер люкс в Барвихе. И денег мне тогда хватало. Да что там деньги для моего ранга! Там такие затейливые попадались. Но как-то все это не по-человечьи получалось – по-свински. В итоге к утру упивался я коньяком до поросычьего визга и просыпался в непотребном естестве. Даже сейчас, когда вспоминаю все это, нутро наизнанку выворачивает.

Так. А что же это за станция такая незнакомая? Но пахнет вкусно. Особенно от этого пакета, и вроде нет никого. Вот те на! Да это же пончики в сахарной пудре, теплые еще, и паке-

тик весь промаслился. Сейчас я его в сторонку оттащу, чтобы никто не мешал. Теперь мы их посчитаем, итак: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Восемь штук, жирные такие были и сладкие. Эх! Был бы я домашним котом Василием, я бы, конечно же, игнорировал эти пончики с негодованием. Коту понятно, печень-то у него одна. А так приходится радоваться и этому маленькому подарку судьбы. Интересная станция, картинки в стене светятся. Обычно я ее мимо проезжаю, а тут из-за этих бламурных выйти пришлось. Зато пончиками полакомился. Значит, и от бламурных своя польза бывает. Ну да ладно, бог им судья, а мне пора к обеду готовиться. В какую же сторону мне ехать, чтобы опять у синего мусорного бачка оказаться? Приехал я с этой стороны, значит, надо теперь на другую сторону перейти и ехать обратно. Как бы мне не запутаться с этими станциями.

В вагоне народу полно, и все с мешками и сумками. Ну, значит, мимо не проеду. На той станции, где пункт быстрого питания развернут, всегда много этих с сумками выходит. Стало быть, в правильный вагон я сейчас сел, вот только подремать здесь вряд ли получится. Какие у них у всех лица недобрые. Того и гляди какую-нибудь пакость сотворят. Да оно и понятно, попробуй по Москве да в такой мороз и с такими сумками таскаться, любой озвереет. Эх, и что же им дома-то не сидится. Даже прилечь не могу, так на всех четырех лапах и приходится стоять в проходе. Еще и вагон кидает из стороны в сторону, как бы кто лапы не отдал. Нет. Все-таки раньше в метро лучше было, публика приличная была, интеллигентная. Сидят все чинно, книжечки читают или газеты, студенты, инженеры, бабушки-пенсионерки. Никаких тебе сумок и чемоданов,

Ну а потом вся эта публика как-то растворилась, и наше метро заполнили бабенки с баулами, с жадными глазами и загребущими лапами. Да-да. Именно эти, с клетчатými сумками, вытеснили из вагонов метро публику читающую, интеллигентную. Или наоборот, тогдашней образованной публике надоело проводить свое время за книгами и газетами, и они враз перестали интересоваться литературой и публицистикой, а кинулись в бурлящее море товарно-денежных отношений.

* * *

Ага. Вот вроде вся эта толпа на выход собралась, значит, и мне выходить надо. Фу. Вышел наконец-то из этой мясорубки. И станция правильная, вон он, синий мусорный бак, где я утром позавтракал, теперь пойду подкреплюсь – самое время. Всегда так, как понервничаешь, надо обязательно чего-нибудь съесть для самоуспокоения. Очень помогает.

Или выпить. Тоже хороший способ, чтобы нервишки успокоить. А я, с тех пор как в ту дамочку влюбился, очень нервный стал. Вот и успокаивал нервы коньяком и романтическими свиданиями с молоденькими. И чем дальше, тем больше. На работе ко мне хуже относиться стали, в ответственные командировки перестали посылать. Так, пошлют на денек с мелким поручением, документы там отвезти или ценный подарок к празднику. Совсем моя карьера под откос пошла. В командировки я теперь на поездах ездил, туда и обратно. Долго, зато от начальства подальше, опять же к народу поближе. А народ в поездах у нас деликатный, отзывчивый. Возьмешь бутылочку-другую водочки, угостишь этот народ, и такие дали и горизонты тебе откроются. Все увидишь, все поймешь, и начало, и предел.

Вот ведь зараза! Опять она со своей метлой. Разбудила, ведьма старая, и на самом интересном месте. А сколько же я спал? В этот раз я глубоко в сон погрузился, выспался. И публика вокруг изменилась. Мешочников не видно больше, теперь народ по домам разъезжается, деловые все с портфельчиками, дамочки с сумками продуктовыми. Стало быть, и мне надо домой возвращаться. Пора, пора опять на свою ветку ехать, на холодную.

Ну вот, этот вагон вроде бы посвободней, здесь наше место будет, извините-подвиньтесь. Сейчас станции отсчитаю в обратном порядке, чтобы свою не проехать.

* * *

И то сказать, денек сегодня неплохой получился, завтрак, обед, как обычно, да еще и пончики были, на десерт. Приеду, похвалюсь перед Петровичем, он человек с опытом, значит, и меня поймет. Подремать как следует не получилось. Но это не беда. Самая приятная дремота одолевает меня по вечерам, когда я, сытый, вытягиваюсь во весь свой рост в халупе у Петровича. Он часто слушает радио. Телевизора в его конурке нет, вот и приходится довольствоваться радиотрансляциями. Я люблю в такие вечера разлечься на коврике у теплой батареи и в полудреме слушать музыку, доносящуюся сквозь тихое потрескивание из динамиков старого приемника, или плавный бубнеж очередного агитатора за все хорошее против всего плохого. Именно из радио я узнал, что Крым – наш, Мартын Фуркад – свинья, а в Петропавловске-Камчатском всегда полночь.

* * *

А люди входят и выходят, каждый на своей станции, пенсионеры и студенты, военные и работяги, приезжие и коренные, дамочки постарше и дамочки помоложе, солидные мужчины и всякая рвань. Все спешат, пихаются, стараются присесть или хотя бы занять местечко получше. Всех я их вижу из своего укрытия, и не таким, не обычным зрением вижу, это-то само собой, всегда при мне. Я их внутренним, собачьим зрением вижу, насквозь, как рентген. Могу сразу сказать, кто куда едет и зачем. Испокон века люди стараются выглядеть лучше, чем они есть на самом деле. Придумали разные этикетки, правила поведения и другие способы, чтобы скрывать свои истинные намерения.

А ведь в основе каждого человеческого действия лежат простые, понятные и нам, собакам, инстинкты: поесть-попить вовремя, выспаться вволю и детишек наделать побольше. Ну, может, там еще у кого-то амбиции проявятся, но это редко бывает. Смотрю я на них, и вся их мотивация у меня как на ладони. Вот эти, например, студенточки с утра ничего не ели, потому как деньги экономят, оно и для фигуры неплохо бывает. А этот барыга только что из-за стола, отрыжка от него на весь вагон. Вон тот профессор к любовнице молодой едет, в нетерпении весь с ноги на ногу переступает. А эта дамочка только что любовью занималась. Какие флюиды сейчас от нее исходят, песня души! Теперь домой едет, к мужу, да он-то простак, ни о чем и не догадается, куда ему до этих флюидов. А эта молодая парочка, напротив меня, сидят, обнявшись, и друг с друга глаз не сводят. У этих места нет, чтобы любовью заняться, вот и маются по вагонам.

А ведь вот что интересно, и у министерских людей мотивация поступков такая же, как и у простых пассажиров метро. Взять, к примеру, те же командировки. Я когда еще в аппарате работал, знал десятки случаев, когда люди летали в командировки на Камчатку или на Сахалин исключительно для того, чтобы отведать тамошних крабов и прочие деликатесы или осмотреть долину гейзеров. А сколько чиновников летает в командировки, чтобы поохотиться на редкую краснокнижную дичь. Им несть числа, как говорил поэт.

Итак, возвращался я как-то из одной командировки. Это я уже на поезде ехал. Пьяненький ехал, размякший и простодушный. Подсела ко мне в купе старушка, благообразная такая, посмотрела на меня и присоветовала мне в церковь сходить, в грехах своих покаяться. Тогда-то я на нее и внимания не обратил, а уже потом, после очередного бурного рабочего дня, решил зайти в церковь-то. И так мне это дело понравилось, что стал я туда частенько заходить. Ох и чудил же я тогда, ох и грешил. Заходил в церковь пьяный, с бутылкой коньяка. Потихоньку предлагал всем присутствующим выпить со мной. Шарахались все от меня как черт от ладана,

бывало, и выводили из храма за неподобающее поведение. Я и батюшкам предлагал, батюшки меня крестили, жалели, а некоторые из них даже деньги брали, не брезговали.

Тогда уже я ощущал в себе слом, чувствовал, что не подняться мне больше, не вернуться к обычной размеренной жизни. Чувствовал, что помру скоро от такой жизни. Вот тогда я и начал просить Бога, чтобы мне котом переродиться. А оно вона как получилось.

Так. Так. Так. Что-то весь народ к выходу потянулся. Ага. Приехали. Конечная станция, моя, значит. Здесь и нам выходить.

* * *

Господи! Как же здесь холодно и темно! За весь день ни одного солнечного лучика так и не увижу. На таком холоде вся моя сегодняшняя еда на обогрев организма уйдет, ничего про запас и не оставишь. Поскорее бы до нашего подвала добраться, там Петрович уже, наверное, каши наварил, Машка там, опять же, меня встретит, обнюхает – не пропаду. Вот и дырка знакомая в заборе. Теперь по улице мимо валютного ларька, а вот уже и знакомый пустырь засинел между домами.

Воздух холодный, морозный и звонкий, и цоканье моих когтей об асфальт слышно, наверное, далеко отсюда. Снега как не было, так и нет. Вокруг меня заброшенный, заросший бурьяном пустырь. Промерзшие комья глины и кусты, слегка присыпанные пургой, мешают мне, замедляют бег. Я бегу и ощущаю, как тепло, добытое мною в течение этого дня, постепенно покидает меня и заменяется злой декабрьской стужей. Колючая поземка сыплет мне навстречу, забивая мою морду, глаза и уши холодным снегом. Дорога постепенно сужается, теперь под моими лапами неровно уложенные бетонные плиты. А справа и слева бетонный забор с кое-где сохранившимися остатками колючей проволоки. Я знаю это место, я пробежал здесь десятки раз, и каждый раз меня охватывает чувство опасности и беспричинной жути, как будто вся злая сила земли сконцентрирована в этом заброшенном пустыре.

И еще. Высоко, прямо передо мной, ярко светит огромный прожектор, освещая всю эту ледяную пустыню, окружающую меня. Этот жуткий свет бьет мне прямо в глаза, и я бегу, не смея отвести взгляда от его обжигающих лучей.

Вот так и вся наша жизнь, как мой сегодняшний день, сплошная коллизия. Черета темных и серых полос, сменяющих друг друга, да свет в конце тоннеля, который при приближении оказывается лучом прожектора над колючей проволокой.

Ах! Когда же наконец будет солнышко!

Старый чайник Новогодняя сказка

Легкий шорох за стенкой заставил всех встрепенуться. Пушистая собака с оторванной лапой попыталась повернуть голову в сторону двери. В глубине приглушенно чихнул старый дождевик, из-за сырого климата у него была хроническая простуда, и иногда он не мог сдерживать кашель, как бы ни старался. И только красивая кукла оставалась абсолютно неподвижной – стоит ли отвлекаться на подобную ерунду.

Кто-то прошагал мимо двери в сторону кухни, и сразу после этого в кладовке воцарилась тишина. Старый чайник тяжело выдохнул, выпуская из своих недр застоявшийся воздух, и вновь погрузился в дремотное состояние. Теперь, пока хозяева не поужинают, ничто не нарушит покой обитателей пыльной кладовой, в которой наш герой обретается все последнее время.

Это небольшое замкнутое помещение, куда редко заходят люди. Изредка хозяйка квартиры заглянет сюда, чтобы забросить в дальний угол очередную ненужную вещь. Здесь почти всегда сумеречный полумрак, тонкие лучики света проникают сквозь щели в фанерной дверце каморки. Предыдущий жилец сколотил ее из подручных материалов, не слишком заботясь о светоизоляции. Поэтому когда в коридоре горит лампочка, здесь бывает так светло, что можно различить очертания стен и предметов, хранящихся по соседству. Вся обстановка здесь располагает к неторопливому созерцанию и ностальгическим воспоминаниям. А старому чайнику есть что вспомнить. Ведь когда-то он был главным участником, это он так думает, всех семейных праздников.

Началась его история давным-давно, в Германии в начале прошлого века. Именно там его отлили на одном из Крупновских заводов. Благородный цвет – приглушенно-медный. Идеально округлая форма. Носик, похожий на клюв птицы. Ни одна капля не прольется мимо чашки.

После войны он оказался в России, дедушка нынешнего хозяина квартиры привез его из поверженной Германии, да так и не смог с ним расстаться. Еще бы, в свое время ему не было равных в приготовлении кипятка. Долгие годы ни одно чаепитие не обходилось без нашего героя. Сколько веселья и радости было, когда он приступал к исполнению своих каждодневных обязанностей. Когда чайник с холодной водой ставили на плиту, на кухне начиналось волшебство. Каждое кипячение или подогрев воды сопровождалось громкими ритмичными звуками, как будто невидимый оркестрик внутри него исполнял что-то типа авангардного джаза. Первоначально в дело вступал барабанщик. Он пробегался своими палочками по всей ударной установке, проверяя, все ли на месте и какие звуки – правильные или фальшивые – издает тот или иной инструмент. После этого он задавал нужный ритм и прилежно выбивал его в течение всего процесса нагрева воды. Немного позже включались другие исполнители. Сначала доносились отдельные ноты, как будто кто-то слегка касался клавиш рояля. Затем труба свистела пронзительно и протяжно, лишь изредка и торопливо прерываемая контрабасом. В конце деликатно и благородно кряхтел саксофон, внося в представление некоторую неразбериху и диссонанс.

Особенно радостные звуки чайник издавал вечерами, когда вся семья собиралась за столом. Мама рассказывала о том, как прошел день, дети вокруг стола громко смеялись. Конечно, что может быть лучше детского смеха! В такие вечера наш герой старался перезвучать всех присутствующих. Еще бы! Он весь день ждал этого момента, чтобы наполнить чашки всех присутствующих за столом горячим ароматным чаем. Чтобы все вокруг стало еще светлей и радостнее. Чтобы хозяйка бережно брала его в руки, с добрым сердцем наполняла чашки всех присутствующих и атмосфера заботы и любви никогда не кончалась.

Однако теперь, в эпоху технического прогресса и всеобщей электрификации, когда повсеместно используются одноразовые дешевые электроприборы, он оказался ненужным на кухне и перекочевал в эту душную кладовую, надеясь на то, что когда-нибудь его вспомнят и он сможет вернуться к своему единственному предназначению – дарить людям тепло и радость. Вместо него хозяева квартиры приобрели новый электрический чайник, который, по их мнению, лучше, а главное – быстрее справлялся со своими обязанностями.

Это был просто красавец, с блестящей хромированной ручкой и прозрачным корпусом из жаростойкого стекла. Он сразу же начинал хаотично барабанить в полную мощь, издавая невообразимый шум. В конце его выступления внутри лопались огромные пузыри, из его носика ударяла струя пара, раздавался громкий щелчок, и через несколько мгновений на кухне воцарялась тишина. Так бывает на концерте классической музыки, когда после удачно сыгранного финала публике требуется какое-то время на осмысление случившегося только что чуда.

Дети с восторгом приняли новый чайник. Это свойство молодости – радоваться всему новому и не слишком огорчаться исчезновению отслуживших свой век вещей. Они так же, как и раньше, собирались за столом и с нетерпением ждали, когда мама наполнит чайник водой и нажмет заветную кнопку. А потом с замиранием сердца следили за воздушными пузырьками, которые сновали за прозрачным стеклом и с шумом вырывались на свободу.

С тех пор старый чайник живет в кладовой в окружении таких же забытых и старых вещей, как и он.

Здесь есть красивая кукла – до его появления она считала себя первой красавицей. Впрочем, она и сейчас так думает. Разве можно сравнить ее красоту с каким-то чайником. Обычный предмет быта, да еще и старый.

Рядом с ней пушистая собака с оторванной лапой. Она все время молчит. И может лишь чуть-чуть повернуть голову влево или вправо. У нее огромные грустные глаза. Она смотрит ими на красивую куклу с любовью и обожанием. Иногда ее взгляд падает на старый чайник. И тогда наш герой чувствует себя неудобно. Внутри все начинает клочкотать, как будто он вновь, наполненный водой, стоит на плите и готов рассыпаться барабанной дробью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.